

вещества и средств удовлетворения их с наименьшей бесполезной потерей человеческих сил. Ее следовало бы назвать физиологией общества. Она является параллелью физиологии животных и растений, которая точно так же рассматривает потребности растения или животного и наиболее выгодные способы их удовлетворения. В ряду общественных наук экономия человеческих обществ занимает, таким образом, место, на котором в ряду наук о жизни (биологических) стоит физиология живых существ.

Мы говорим: «Вот перед нами люди, соединившиеся в общество. Хижина дикаря перестала их удовлетворять, и они требуют прочного и более или менее удобного дома. И вот мы хотим знать, может ли при данном состоянии производительности человеческого труда каждый из них иметь свой дом? А если нет, то что именно мешает этому?»

Но раз мы поставим такой вопрос, мы сейчас же увидим, что всякая европейская семья вполне могла бы обладать небольшим удобным домом вроде тех, которые строятся для рабочих в Англии, в Бельгии, в Америке, или же соответственной квартирой. Известного и сравнительно небольшого числа рабочих дней было бы вполне достаточно для того, чтобы построить для семьи в семь или восемь человек хорошенький домик, где было бы много воздуха и света, удобно расположенный, здоровый и освещенный газом.

Между тем девять десятых европейцев никогда не жили в здоровом помещении, потому что всегда человек из народа работал изо дня в день и почти без перерыва, и все -- для удовлетворения потребностей правящих классов. Никогда не имел он ни времени, ни денег, чтобы выстроить или заказать себе этот желанный домик. И до тех пор, пока современные условия не изменятся, у него никогда не будет дома, и всегда он будет жить в какой-нибудь трущобе.

Мы принимаем, таким образом, метод рассуждения, совершенно обратный тем экономистам, которые устанавливают якобы вечные законы производства, затем подводят счет всем домам, которые строят теперь ежегодно, и доказывают посредством статистических данных, что так как этих новых домов не хватает для удовлетворения всех требований, то 9/10 европейского населения должны жить в трущобах.

Или же возьмем вопрос о пище. Перечислив все благодеяния разделения труда, экономисты приходят к заключению, что оно требует, чтобы одни люди занимались земледелием, а другие - фабричной промышленностью. Земледельцы производят столько-то, фабрики - столько-то, обмен происходит так-то. Затем экономисты рассматривают продажу, прибыль, чистый доход или прибавочную стоимость, заработную плату, налоги, банки и т. д.

Но, изучив все это по их книгам, мы все-таки нисколько не подвинулись вперед, и если мы спросим у них: «Каким же образом существует столько семей, не имеющих хлеба, когда каждая семья могла бы производить достаточно хлеба, чтобы накормить десять, двадцать или даже сто человек в год?» - то они, в ответ, заговорят сызнова, как в сказке о белом бычке, о разделении труда, заработной плате, прибавочной стоимости, капитале и т. п. и придут к тому заключению, что произведенных продуктов недостаточно для удовлетворения всех потребностей. Но это - заключение, которое, если бы даже оно было справедливо, все-таки не дает никакого ответа на вопрос: «Может ли или не может человек произвести при помощи своего труда нужный для него хлеб? А если не может, то что ему мешает в этом?»

Вот перед нами триста пятьдесят миллионов европейцев. Ежегодно им требуется столько-то хлеба, столько-то мяса, столько-то вина, столько-то молока, яиц и масла.